

Бродель, Валлерстайн, Коллинз,...

Социолог Георгий Дерлугьян о судьбе «вычислительной истории»

Иммануил Валлерстайн

Фото: Валерий Шарифулин / ТАСС

На площадке Университета Дмитрия Пожарского (Русский фонд содействия образованию и науке) выступил американский социолог российского происхождения, профессор Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Георгий Дерлугьян. Он прочитал доклад, приуроченный к изданию русского перевода труда Иммануила Валлерстайна «Мир-система модерна». Дерлугьян рассказал, как Валлерстайн спас его в Мозамбике от тайной полиции, как самого автора «Мир-системы модерна» чуть не назначили госсекретарем США и о том, почему социология неизбежно вымрет в XXI веке. «Лента.ру» записала основные тезисы его выступления.

«Большинство американских социологов едва ли читали Маркса»

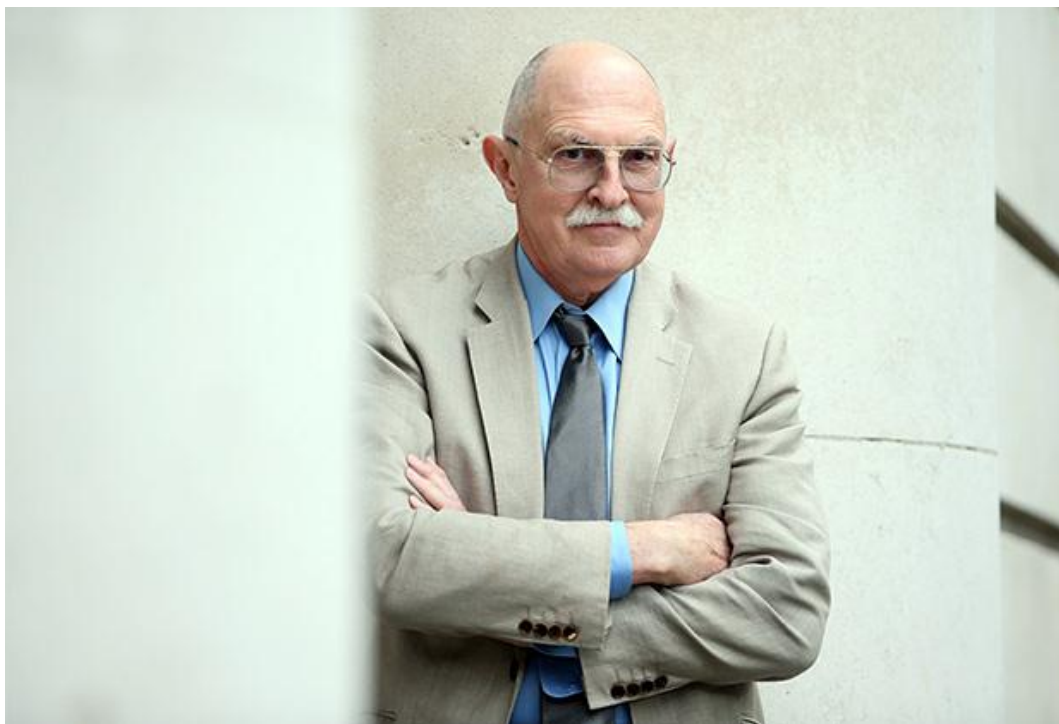
Как армянин, я всегда выступал за чистоту русского языка и писал «миросистема», но сегодня я принимаю вариант переводчиков, переведших world-system как «мир-система». Я согласен даже с «модерном», хотя Валлерстайн всегда избегал слова modernity и был против

теории модернизации. Кроме того, он задумался, следует ли в русском языке согласовывать прилагательные с «миром» или «системой», и потом все-таки сказал «мир».

«Мир-систему модерна» я читаю всю свою сознательную жизнь, с 1980 года, когда она вызывала гораздо больше восторга, чем понимания. Я продолжил делать это в 90-х, будучи аспирантом у Валлерстайна. Сейчас перечитал книгу на русском и осознал, как мало в ней понимал раньше и до какой степени автор предвосхитил огромное количество областей науки. С другой стороны, его работа — даже не вчерашний день в науке, а позавчерашний, чем он и славен. Она написана на пике 60-х, и тогда последний раз в моде было то, что искусствоведы прозвали «большим стилем».

Валлерстайна не преподают на Западе. Меня все время спрашивают: «А что у вас там модно?» У нас модно подсчитать с десятой долей процента, до какой степени американские школы несправедливы к афроамериканцам или почему нью-йоркские бомжи не принимают таблетки, которые выписывают бесплатно. Популярны конкретные проблемы. Подавляющее большинство американских социологов последний раз читали Макса Вебера (немецкий социолог, философ, историк, политический экономист — прим. «Ленты.ру») на первом курсе аспирантуры, Маркса едва ли читали вообще, а Валлерстайн упоминается в обзорных курсах как «изменитель парадигмы». Кстати, многие удивляются, что он еще жив.

Передний край современной социологии уже давно не задается вопросами, которые ставит Валлерстайн. Сегодня популярны лабораторные эксперименты над студентами, компьютерные игры на деньги, когда испытуемым раздают доллары и абсолютно нереальные задания.

Рэндалл Коллинз
Фото: la.utexas.edu

Это измерение остановившегося мира, он вечен. Именно об этом повествует последняя книга, которую мы писали с Валлерстайном, Майклом Манном, Рэндаллом Коллинзом и Крэггом Калхуном, — «Есть ли будущее у капитализма?». Ее перевели на 17 языков, но на английском не появилось ни одной рецензии. Никто даже не знает, к чему приложить нашу

работу, такого рода вопросы больше просто не ставят (но скоро начнут ставить — иногда «позавчера» возвращается).

Прятки с дедушкой Валлерстайном

Как-то ко мне в гости зашел Рэндалл Коллинз, вернее, имела место кавказская гостеприимность: мы его затащили в гости. Он очень чопорный, правильный англосакс, сидел за столом, ел армянскую еду. Упомянули Валлерстайна, и тут мой 10-летний сын говорит: «А, дедушка Валлерстайн! Мы с ним в прятки играли в его кабинете. У него там столько книжных шкафов!» Коллинз отложил вилку и очень серьезно заметил: «Интересно, как бы я себя чувствовал, если бы мой сын играл в прятки с Максом Вебером?»

Тогда уже я отложил вилку. С одной стороны, я всем обязан Валлерстайну — как известно, я его верный нукер. Еще в 1987 году он меня спас в Мозамбике, вытащив из лап местной контрразведки — Национальной службы народной бдительности, тогда полковник Сержио Виейра намеревался сдать меня советскому посольству за несанкционированный контакт с американцами. Валлерстайн ему сказал: «Сержио, прекрати-ка свои выходы. Хочешь поговорить как интеллектуал с интеллектуалом? Садись, я тебе пива налью».

С другой стороны, я прошел множество испытаний из-за Валлерстайна. Знающие академическую среду люди говорили: «Постарайся не упоминать это имя и то, что ты вообще когда-либо его знал. Целее будешь, и карьера пойдет. Попробуй сделать что-нибудь нормальное, как все, подсчитать что-нибудь — например, матерей-одиночек Филадельфии».

Тем вечером я спросил Коллинза: «Вы что, действительно? Всерьез?» Ответ Коллинза был в его типичном стиле: «Не нашему поколению судить. Кто знал Вебера при жизни?» Но весь XX век вопросы, поставленные Вебером, были основной повесткой и эмпирических, и теоретических исследований, хотя он с его протестантской этикой просто эмпирически не прав.

Недавно я поверг Вахштайна (Виктор Вахштайн — кандидат социологических наук, профессор, декан факультета социальных наук МВШСЭН — прим. «Ленты.ру») и его студентов в ужас, объяснив, что Вебера можно опровергнуть: как насчет всех прочих купцов, которые не протестанты? Но это не отменяет Вебера и точно так же ничто не отменяет Валлерстайна, хотя еще 20 лет назад он говорил, что глава о России в «Мир-системе» подлежит переписыванию.

«Шли слухи, что Валлерстайн станет госсекретарем США»

Как создавалась «Мир-система модерна»? Родилась гениальная идея, на этот скелет нужно было налепить плоть, и Валлерстайн быстро-быстро ее лепил. Первый том труда ему удалось написать за восемь месяцев, когда он был в изгнании. Как сказал Сыма Цянь, самые великие произведения написаны историками в опале, и Валлерстайн был в опале. Он двигался по восходящей траектории первые сорок лет своей жизни, «золотой ребенок» Манхэттена, часть американского истеблишмента, самый молодой профессор Колумбийского университета.

В начале 60-х он стал советником в администрации Кеннеди. Шли слухи, что вот-вот Валлерстайн станет госсекретарем США, но этот пост занял его коллега — Генри Киссинджер. Валлерстайн в 1968 году, к счастью для науки, выпал из обоймы. Он ушел из Колумбийского университета, потерял квартиру в Нью-Йорке, переселился в Канаду и

написал первый том «Мир-системы», чтобы показать противникам, что теория модернизации не работает. По тем же причинам он напал и на марксизм. Валлерстайн нажил себе врагов абсолютно со всех сторон.

Фернан Бродель

Фото: Bruno de Mon / Roger Viollet / East News

Похвалил его единственный человек — ни много ни мало, Фернан Бродель (известный французский историк, совершивший революцию в исторической науке своим предложением учитывать экономические и географические факторы при анализе исторического процесса — прим. «Ленты.ру»), ставший на склоне лет уже монументом самому себе. В третьем томе эпопеи всей своей жизни он написал, что молодой американский социолог придумал «Мир-систему» — молодец! Он стал единственным, кто сразу признал Валлерстайна, поэтому очень трудно говорить, кто чьего дела продолжатель. Обычно пишут, что Валлерстайн является продолжателем дела Броделя, но Бродель признал его на равных.

С тех пор автор «Мир-системы модерна» страшно выходит из моды, во всех областях. Спорить с ним очень трудно, к чему приложить его исследования — непонятно. Он напал сразу на три большие области. Мир-система — это не модернизация, не формация и не цивилизация.

Не цивилизация

У Броделя в его «мире Средиземноморья» противоборствуют две цивилизации — ислам и христианство. Вся работа направлена на то, чтобы показать эти две цивилизации как части одного мира. Она показывает две группы варваров (или то, что с ними стало к XVI веку), с востока и запада претендующих на наследство Римской империи.

Но мир-система — это не цивилизация, через цивилизационный подход в мир-системном анализе очень мало что работает, и у Валлерстайна есть отдельные работы о том, что такое цивилизация. Это заявки современности на прошлое. Тогда люди не знали, что они

являются цивилизацией, они понимали, что у них есть свой царь, свои боги, свой способ приготовления пищи. Мы создаем националистические конструкты в отношении прошлого — мол, «там наши предки», и Валлерстайн писал об этом в начале 70-х, намного раньше критики конструктивистов.

Не модернизация

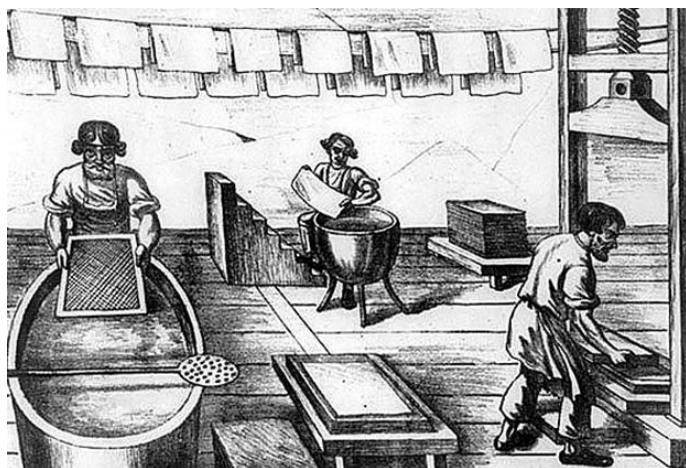
Модернизация относится к отдельным обществам, напоминающим вагончики, которые паровоз тянет по одной шкале времени. Уганда сегодня находится, например, на уровне Англии 1824 года.

Были эмпирические работы, посвященные тому, как эту многоукладность измерять, по каким социальным и экономическим показателям. Как показать, что Уганда — это 1824 год Англии, а Индия — 1885 год? Кто как приближается? По теории модернизации все идет по одной колее, но потом начали возникать осложнения, и специалисты задались вопросом о том, что, может, колеи несколько? Может быть, происходит *multiple modernity* («множественная модернизация»)?

Валлерстайн предложил очень простой выход — нужна не шкала времени, а пространство. В его центре находится ядро, вокруг него — различные периферийные и полупериферийные орбиты. Насчет последних у меня собственный спор: могут ли орбиты быть эксцентричными, например овальными, и не находится ли на такой орбите Россия? Валлерстайн мне сказал: «Ты достаточно знаешь про Португалию, чтобы ответить на этот вопрос». Такие сравнения могут быть очень продуктивными. Скажем, Османская, Португальская и Российская империи — империи периферий капиталистического центра.

Не формация

С точки зрения марксистов, мир-системный анализ — ересь, мол, где тут способы производства? Все основано на рыночном обращении. В этом смысле основателем мир-системного анализа был Адам Смит (шотландский экономист, один из основоположников современной экономической теории — прим. «Ленты.ру»). Как у классика, у Смита есть все, в том числе сожаление о том, что европейцы воспользовались «дифференциалом силы» — все, что они могли не купить, а захватить силой, они захватили. Это было написано в середине XVIII века, задолго до пулеметов и канонеров. Он сетовал на то, что уже натворили испанцы, португальцы и голландцы, — Смит считал это извращением рыночного механизма.

Российская бумажная мануфактура XVIII века

Изображение: rarebook-spb.ru

Теренс Хопкинс, близкий друг и ученик Валлерстайна, которому посвящен первый том «Мир-системы модерна», говорил, что интеллектуальная родословная мир-системного анализа идет от Адама Смита к Марксу. Это теория конфликта, а не сотрудничества, это теория господства. Дальше она идет к Шумпетеру и, возможно, к Грамши — но к нему не как к теоретику культуры, а как к теоретику гегемонии, и дальше к Броделю.

Кроме того, мир-система — это не формация, потому что в ней нет первенства не просто рабочего, а какого угодно класса (притом, сами классы есть). Снимается сам спор с веберийцами о статусных группах, партиях или классах. У Валлерстайна, сделавшего шаг назад и увидевшего всю систему целиком, вообще снимается огромное количество споров.

Во-первых, люди вложили души в эти споры, во-вторых, они вложили в них звание, ученые чины, свои положения, а тут проходит какой-то Валлерстайн и, походя, уничтожает или проясняет целые области дебатов. Что после этого делать? Можно либо страшно обидеться, либо сказать, что ничего не произошло, и это, собственно, пока и наблюдается. Но дальше будет действовать простая логика науки. Валлерстайн прекрасно написал в новом предисловии спустя 36 лет, что одних критиков «уж нет, а те далече».

Мир-системный анализ — не марксизм. Раньше велись масштабные дебаты по поводу демидовских заводов и российских мануфактур XVIII века. Говорили, что раз это мануфактуры, то индустрия в стране росла. Значит, в России XVIII века тоже был капитализм? Но они же крепостные, значит, это феодализм?

Валлерстайн соединил демидовские заводы с плантационным рабством на Барбадосе и Ямайке и сказал, что это ровно одно и то же, это не способы производства, а способы контроля над рабочей силой. Вопрос был снят. Что осталось от марксизма? Как минимум, представление о том, что есть классовый конфликт и господство.

Два способа вымирания

Позвольте закончить еще одним забавным анекдотом, который обязательно надо рассказать. Возможно, в этом смысл моей жизни — запоминать великие высказывания Иммануила Валлерстайна, давно забытые им самим.

В конце 90-х годов были популярны конференции в духе «Что-нибудь в XXI веке»: «История в XXI веке», «Социология в XXI веке», «Мир в XXI веке». Так вот, идет очередная социологическая конференция. Выходит социолог-феминистка и говорит: XXI век будет эпохой гендерных исследований. Выходит клиометрист: все станет клиометрией и математической моделью. Выходит старый марксист: «Мы вернемся к идее империализма!»

Выходит Валлерстайн и говорит: «Дамы и господа, социологии в XXI веке не будет. Извините, предмет нашей конференции сформулирован неверно. Социология неизбежно вымрет, как некогда вымерла ботаника. До Второй мировой войны существовали факультеты ботаники, сегодня же я не знаю ни одного, разве что какие-то сохранились в консервативных академиях. Это не значит, что теперь никто не изучает растения, просто они стали частью более широкой дисциплины — биологии. То же грозит и нам.

Георгий Дерлугьян
Кадр: видео Youtube / Namatext

Есть два способа вымирания: позорный и почетный. Позорный способ: мы измельчаем до того, что создадим факультет изучения мексиканских женщин-эмигрантов, и тогда нас прикроют при следующем сокращении бюджета (а сокращение будет обязательно). Вас похоронят не ваши интеллектуальные дебаты, вас похоронит сокращение кадров, потому что вы не сможете выстоять в одиночку.

Существует же способ почетного вымирания. Среди социологов есть экономические социологи, исторические, культурные, есть дисциплины, изучающие экономику и антропологию. Давайте захватывать их все! Давайте создавать одну единую науку изучения общества в исторической перспективе. Это тоже способ вымирания — социологии в результате не останется, но, по крайней мере, останется очень большая наука, и можно даже надеяться, что она будет интереснее». Вот это он забыл, но нам остается помнить.

[Записал Станислав Наранович](#)